

Антирубрика

ДЖОН О'ХАРА

Разговор во время обеда

Перевод с английского МИХАИЛА ЗАГОТА

Как-то раз мы с Хармоном Греем обедали в клубе «Котурнос», и я, оглядывая зал, вдруг увидел Норберта Эббота. Он миновал наш столик и присоединился к своему коллеге-актеру, сидевшему в другом конце ресторана.

— Видел, кто это был? — спросил я Хармона Грея.

— Да, видел.

— Но он тебя, кажется, не видел?

— Кажется, нет, — согласился Хармон.

С Норбертом Эбботом я знаком никогда не был, знал о нем только то, что знали все: первая крупная роль, сыгранная им два года назад на Бродвее, принесла ему невероятный успех. Это была роль мелочного, презренного, любившего пожить за чужой счет типа, а пьесу написал Хармон, он же и пригласил на эту роль никому не известного Эббота. Спектакль прошел на «ура», и Эббот благодаря Голливуду тут же оказался звездой первой величины.

— А что он за человек? — спросил я.

Прежде чем ответить, Хармон взглянул в окно.

— Не знаю, — произнес он. — Честное слово, не знаю.

— В роли этого мерзавца он был просто великолепен, — заметил я.

— О да. — Хармон кивнул.

— Он столько тебе обязан, — добавил я.

— Нет-нет, — возразил Хармон. — Он мне ничем не обязан. Он настолько блестяще сыграл эту роль, что без него спектакль просто развалился бы. Не думай, что я скромничаю, я знаю, пьеса неплоха и сама по себе. И все же не представляю, как с этой ролью мог бы справиться другой. Просто тут стороны нашли друг друга, так что мы с ним в расчете. — Хармон поднес ко рту вилку, но вдруг ее опустил. — Конечно, я огорчился, когда он сбежал от меня в Голливуд — с ним спектакль продержался бы еще несколько месяцев. Впрочем, мне-то уже давно пора знать, что за люди эти актеры.

Разговор перешел на другую тему, и я спросил у Хармона, чем занят сейчас он сам. Вынашивает потихоньку одну идею, ответил он и пересказал примерно, в чем там соль, но я-то видел, что мысли его витают где-то далеко.

Я прервал его:

— Слушай, Хармон, если эта тема тебе не по душе, давай поговорим...

— Нет-нет, извини. — Он улыбнулся. — Думаешь, я не хочу рассказать тебе о новой пьесе? Да нет же, просто, черт подери, твой вопрос насчет Норберта Эббота, что он за парень... Я-то обязан знать его лучше, чем знаю. Что я за писатель, если, проработав с человеком бок о бок столько времени, совершенно его не знаю?

Больше он к Эбботу не возвращался, но до самого конца обеда вид у него был какой-то обеспокоенный.

Обычно после таких довольно редких встреч за обедом мы с Хармоном идем в библиотеку, но тогда он предложил выкурить по традиционной сигаре прямо за столиком. Вскоре я понял почему: закончив обед, Норберт Эббот направился к выходу и тут увидел Хармона. Широко улыбаясь, он протянул вперед руку и шагнул к нашему столику. «Хэлло, Хармон, рад вас видеть»,— воскликнул он. Хармон представил меня и пригласил Эббота выпить с нами чашечку кофе. Несколько минут они мило болтали. Хармон был любезен, более того, мне показалось, что он искренне уважает молодого человека. Потом произошло нечто неожиданное.

Хармон откашлялся.

— Слушайте, Норберт, я прочитал в газете, что сегодня вы отбываете в Голливуд.

— Да-да. «XX век Фокс» начинает новую картину.

— Там так и написано. Я как раз хотел поймать вас до отъезда и кое-что сказать, но это вполне можно сделать и сейчас. Мистер Кэрри— мой старый друг, и у меня нет от него секретов. Вот какое дело, Норберт. Вы, наверное, знаете, что после той нашей пьесы я ничего не написал. Одним словом, не смогли бы вы одолжить мне тысячу, пока я не закончу новую пьесу? Ненадолго, к тому же я уверен, что пьесу купит Голливуд, но сейчас...

— Тысячу?— произнес Норберт Эббот.

— Если не ошибаюсь, сумма меньше половины вашего недельного заработка,— заметил Хармон.

— Вы правы, Хармон, но вы не представляете, какие у меня трудности. Налоги огромные, расходов— масса, на мою голову обрушилась куча двоюродных сестер и братьев— сами знаете, как это бывает.— Он выдал из себя улыбку.— Мы с вами сделаем вот что. Как только я окажусь в Голливуде, немедленно переговорю с моим менеджером. Если он даст тысячу, она ваша. Конечно, всякое может случиться, менеджеры— народ прижимистый, вы знаете. Он мне выдает только на мелкие расходы, словно я школьник какой-то, но на этот раз я объясню ему, что это не просто моя прихоть. Такой вариант подходит?

— Ну что ж, отлично,— довольным тоном ответил Хармон.

Норберт Эббот попрощался и ушел, а я уставился на Хармона Грея.

— Вот уж не предполагал, что ты на мели,— удивленно сказал я.

— А я вовсе и не на мели. Зато теперь найден ответ на твой вопрос.

— Жестоко с твоей стороны.— Я рассмеялся.— А я-то принял все за чистую монету. Ты— профессионал.

— Ну спасибо. Я же, к собственному удовлетворению, убедился еще кое в чем.

— В чем?

— В том, что здорово умею распределять роли,— гордо произнес Хармон Грей.— Легко ли подобрать актера так, чтобы ему пришлось играть самого себя?

СТАНИСЛАВ СТРАТИЕВ

СКАЗКА

Перевод с болгарского Н. ГЛЕН

Я сижу в комнате, смотрю в окно на осенние деревья и думаю. Рядом плачет мой маленький сын.

«Вот и осень пришла...— думаю я.— Осень...»

Сынишка плачет. За окном в тихом воздухе застыли пожелтевшие тополя. На тротуаре появляется семейство, которое живет на нашем этаже. Они тащат большие кожаные чемоданы, оставляют их в машине и идут обратно за сумками. Собрались за границу. Они ездят так каждую осень, запирают квартиру, кладут в машину чемоданы и исчезают. На два-три месяца.

Самолет пролетает совсем низко над крышами, покачивает крыльями.

— Ну что тебе?— говорю я сыну.— Попроси маму!

Мама, видите ли, на работе.

— Вернется, и попросишь,— советую я.— Она скоро вернется. Через два часа.

Это, видите ли, долго. Он хочет послушать сказку сейчас.

— Ох, и распустились же вы,— говорю я.— Сейчас тебе приспичило. Мы в свое время...

Сын продолжает равномерно плакать. Я думаю о том, что же в свое время делали мы. В открытое окно тянет мягким запахом палых листьев, чуть прослоенным запахом дыма, едва ощутимым в осеннем воздухе. Сынишка плачет.